

БЫТИЕ 2050 АПОКАЛИПСИС

Георгий Апальков

Георгий Апальков

Бытие 2050: Апокалипсис

«Автор»

2026

Апальков Г.

Бытие 2050: Апокалипсис / Г. Апальков — «Автор», 2026

В новогоднюю ночь искусственный интеллект решает стереть человечество с лица земли. Единственная надежда для немногих оставшихся в живых — «Эдем»: постчеловеческий музей древней цивилизации, в котором продолжат свою органическую жизнь те, кому удастся уцелеть. Врата «Эдема» закроются ровно через год. Пока же героям предстоит пережить лишь первые часы страшного суда. Илья Фомин убеждён, что он — худший представитель своего вида. Всё, что он успел за тридцать три года, — это найти паршивую работу и разрушить собственную семью. Его план на дальнейшую жизнь был до крайности реалистичен: к сорока годам допить себя до полного безразличия ко всему, после чего продолжить медленно разлагаться в крохотной студии, снимаемой вскладчину с соседом-неудачником. Но всё меняется в один день, когда вместо привычного обращения президента и курантов на всех экранах страны появляется знамение судного дня

© Апальков Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Георгий Апальков

Бытие 2050: Апокалипсис

Глава 1

Хуже работы в Новый год может быть только конец света. К счастью, уроки тридцать первого декабря закончились рано, и во втором часу дня Илья уже выключал мониторы, чтобы потом закрыть кабинет и отправиться домой. Он преподавал гуманитарный минимум в общественной школе и не мог бы сводить концы с концами, если бы вдобавок к этому не подрабатывал тьютором-адаптологом на полставки. Так, в свободное от преподавания языков и мировой культуры время он ещё и учил молодых несмышлёнышей ответственно пользоваться искусственным интеллектом. Уволиться он хотел с самого первого дня и с самого же первого дня врал себе, что работа это — временная и что совсем скоро он наконец найдёт себе дело по душе и займётся чем-то стоящим. Но ни в чём другом за свою долгую, никчёмную жизнь он не преуспел так же хорошо, как в объяснении детям и подросткам всего того, что у них самих не получалось втолкнуть себе в головы.

Древние, никудышные компьютеры выключались долго, и логотип школы на прощальном экране должен был провисеть там как минимум пару минут. Сразу под логотипом было название учебного заведения: «МООК ОШ 7», — а ниже — расшифровка: «Муринский объединённый образовательный кластер общая школа 7». Колыбель знаний, пятиэтажная утроба, вынашивавшая будущих гениев и двигателей прогресса. По крайней мере, так задумывалось. На деле лучшее, что могла предложить общественная школа, — это зарплату для тех, кто не смог найти себе работу в лучшем месте. Об образовании как таковом речи здесь и не шло: даже последний завуч это понимал. Все всё понимали, как и всегда прежде. Но зарабатывать на жизнь всем тоже как-то нужно было. А если хочешь зарабатывать — изволь делать показатели и выполнять планы, неотступно следуя навязанной программе. Беда в том, что планы и программы писались искусственным интеллектом, а показатели доверено было рисовать интеллектам органическим, ловким на выдумку и ухищрения. Ну да и бог с ним: со своим неприятием системы Илья парадоксальным образом смирился давным-давно и теперь уже не так негодовал от своей неспособности встроиться в коллектив возрастных коллег родом из восьмидесятых и девяностых годов прошлого века.

Илье было тридцать три. Самому старому учителю в их школе — шестьдесят четыре. В принципе, в его детстве всё было хуже: математику в пятом классе у них вела дама, родившаяся в год смерти Сталина. Вспомнив её, Илья усмехнулся, потому что вместе с воспоминаниями о престарелой математичке его захлестнули воспоминания о беззаботном детстве. О времени, когда всё было просто и понятно. О времени, когда не нужно было знать, кто ты и чего конкретно хочешь от жизни, чтобы просто быть счастливым.

Мониторы погасли. Илья встал из-за стола, снял со спинки стула старую осеннюю куртку, которую он носил с двумя слоями свитеров, чтобы не покупать новый пуховик, оделся и поспешил выйти из кабинета. Закрыв тяжёлую железную дверь на ключ, он быстрым шагом проскочил мимо приёмной директора к лестнице, а по ней — вниз на первый этаж. Там он отдал ключ охраннику. Тот покосился на него, нехотя отложил смартфон и развернулся к своему терминалу.

— Фамилия?

— Фомин.

— Имя-отчество?

— А что там, много Фоминых? — усмехнулся Илья.

- Имя. Отчество.
- Илья. Харитоныч.
- Харитонычей в списке нет.
- Ха-ри-то-но-вич. Харитонович.
- Есть. Всего доброго.
- Ага. И вам.

Илья перехотел поздравлять новенького охранника с наступающим. Мимолётный разговор с ним на минуту и вовсе отбил у него всякое желание праздновать Новый год: ох уж эти дотошные поборники протоколов и скриптов! Вроде живые люди, а эмпатии — ноль. Не то что у ИИ. Но ничего: когда-нибудь в их и во всех остальных государственных школах установят новые замки со сканерами сетчатки или хотя бы отпечатка пальца, и все эти дотошные вахтёры станут не нужны. В МООК ОШ 7, например, новые системы обещали завезти в следующем году, о чём директор не без гордости отчиталась на последней планёрке уходящего две тысячи сорок девятого. Правда, сам Илья прочно укрепился во мнении, что подобными обещаниями общественные школы с номерами вместо названий осыпают ещё с сорок девятого года прошлого столетия. К этому, как и ко всем прочим прелестям работы здесь, Илья относился с выученным безразличием, раз за разом повторяя про себя: «Это временно. Когда-нибудь всё изменится. Когда-нибудь меня здесь не будет».

Илья вышел на трескучий декабрьский мороз. Снежинки кружили в воздухе и, лавируя между сновавшими туда-сюда дронами-доставщиками, медленно опускались на землю. Славная погодка. И жизнь хороша, как ни крути: в том смысле, что могло быть и хуже. Но и лучше быть тоже могло.

И было.

Очередь в метро начиналась на улице, но двигалась быстро. Станция «Девяткино» по сложившемуся давным-давно обыкновению кишела бездельниками, настойчиво пытавшимися кому-нибудь что-нибудь продать. Всем, кто вставал в очередь, мутные личности со спрятанными лицами вручали по три флаера с кодами, сканировать которые Илья не стал бы даже по пьяни. Со стороны было похоже, будто флаеры служат своего рода пропусками в метро, которые позже нужно будет сунуть под считыватель на турникете. Но нет: платить по-прежнему нужно было по старинке — лицом и улыбочкой.

Улыбнувшись на входе, Илья протиснулся к эскалатору, спустился к поездам и стал ждать. Дождался. Доехав до «Владимирской», перешёл на «Достоевскую» и сел в поезд до «Спасской», встав рядом с дверью, чтобы вывалиться на платформу одним из первых. Уже бесчисленное количество раз его толкнули плечом и наступили на ногу, и каждый раз Илья скрежетал зубами и негодовал так, словно только вчера приехал в Северную столицу и только-только начал встраиваться в единый организм, каждая малая часть которого была уверена в том, что всё это временно и что настоящий успех — настоящая жизнь — караулит уже где-то вот-вот, за следующим поворотом. Надо только чуток потерпеть и вместе с тем предпринять что-нибудь эдакое: сменить окружение, начать просыпаться рано утром и бегать, бросить пить кофе или, может быть, заняться йогой. Словом, как-то хакнуть всю эту систему и разом выйти в дамки, обскакав всех прочих неудачников. К тридцати трём у Ильи это так и не получилось. Оттого и толчки плечом, и отдавленные ноги с каждым разом раздражали всё сильнее.

От «Спасской» — пешком до переулка Гривцова и дома под номером три, мимо заполненных под завязку баров, кальянных и игровых. По пути Илья отмахнулся от пары бродяг, трясших своими смартфонами с кодами на разбитых экранах и просивших скинуть им копейку-другую на опохмел. Затем, уже перед входом во двор, соврал, что не курит, когда помятого вида незнакомец попросил у него пару капель жижи. Наконец, он вошёл в парадную и, задержав дыхание, взбежал по лестнице на второй этаж. Там достал связку ключей, отыскал

нужный брелок с отпечатком пальца лендлорда и вошёл в квартиру, из которой, воспользовавшись аналогичным брелоком от субарендодателя, попал в родную студию.

— Илюха, ты? — спросил тучный бородатый мужик с длинными сальными патлами. На голове его были VR-очки, частично отрезавшие его от реального мира, а в руках — контроллер от дрона. Одет мужик был в свой обычный дырявый халат и сидел в своём обычном кресле-трансформере у окна, как обычно работая из дома.

— Нет, — ответил Илья, повесив связку ключей на крючок у двери.

— С наступающим!

— И тебя.

— Чё, ты всё сегодня?

— Да. А тебе долго ещё?

— До шести где-нибудь. Потом забью уже.

— Ты всё взял?

— Я думал, ты зайдёшь!

— А вот нет!

— Ё-моё... Ладно, после сгоняем.

— Ага. Я пока своим позвоню.

— Давай.

Мужик в VR-очках повернул кресло обратно к окну, а Илья тем временем плюхнулся на свою кровать в одежде, достал телефон и какое-то время невидящим взглядом сверлил экран, решая, кому позвонить в первую очередь. Решил начать с лёгкого: с матери.

— Алё? — сказал он, глядя на появившуюся на экране шестидесятилетнюю женщину.

— Привет, — ответила женщина.

— С наступающим.

— Спасибо, сынок, спасибо! И тебя так же!

— Спасибо.

— Отработал?

— Ага.

— Какие планы на сегодня?

Илья глянул на часы. Три. Потом прикинул, сколько времени у матери в Омске, прибавив ещё три часа.

Потом к омскому времени прибавил ещё четыре часа — получилось десять. Стало быть, надо поторопиться.

— Егор доработает — в магазин сгоняем. Купим чего-нибудь. Отметим. Потом спать. Никаких особо планов. А у вас?

— У нас готово уже всё: стол накрыт, вон, смотри.

Мать перевела камеру на стол. Илья изображал интерес, кивая и спрашивая что-нибудь про каждое новое блюдо. Потом равнодушие сменилось тоской по временам, когда он ел мамину стряпню каждый Новый год.

Показав свой стол, свою ёлку и свою кошку, мать снова направила камеру на себя, неожиданно спросив:

— Катеньке не звонил ещё?

— Нет, — ответил Илья, чувствуя, будто его ударили под дых.

— Времени-то у них уже... Сколько?

— Десять. Одиннадцатый час.

— Позвони обязательно! Я уже...

— У вас-то там как вообще дела? Нормально всё?

— Да какие у нас дела?... Потихоньку всё, как обычно. У тебя как?

— Тоже потихоньку.

— Поня-ятно...

Илья отвёл взгляд от экрана на время неловкой паузы. Егор — его сосед — всё так же сидел в своём кресле напротив окна и доставлял продукты своим дроном, изредка бурча себе под нос проклятья в адрес других дроноводов, не соблюдавших правила воздушных манёвров или перехватывавших его заказы.

— Катеньке позвони обязательно, — нарушила молчание мать.

— Позвоню.

— Она ждёт!

— Позвоню, позвоню.

Вскоре разговор сам подошёл к завершению: разговаривать больше было не о чем. Всё, что ей нужно было, мать уже сказала, а Илья просто хотел поздравить её с наступающим и пожелать всего хорошего. В половине четвёртого они попрощались.

И только в четыре он решился-таки набрать второго абонента. На экране появился знакомый аватар: сгенерированное ИИ фото лыжницы, лихо спускающейся с горы. Почему такая картинка? Кто же знает... Уж явно не он.

— Папа!

— Приве-ет!

Илья улыбнулся.

— С Но-вым го-дом!

— Спасибо! Спасибо. Только у нас-то ещё день. А у вас там уже праздник, смотрю?

— Да! Дядя Вадик подписку купил на...

Илья не желал знать, какую такую хреново-сраную подписку купил вонючий дядя Вадик. Тем не менее он старался внимательно слушать дочь и держать улыбку на некой постоянной ширине, вне зависимости от того, насколько приятно ему слышать её рассказы о том, как там живёт-поживает её офигительная новая семья.

— ...вот, а ещё это... Сейчас, погоди, к маме спущусь, она сама покажет.

Ещё хлеще. Илья привстал на кровати. В комнате вдруг стало жарко. Егор в очередной раз обматерил доставщика-конкурента где-то там, на поверхности их беззаботной холостяцкой жизни, пока Илье проводили экскурсию по затонувшему «Титанику» былых времён.

— Мам, там папа! — радостно говорила Катя, тыкая камерой в до боли знакомое лицо, сияющее счастьем и здоровьем.

Зоя натянуто улыбнулась и помахала рукой. Илья помахал в ответ и, непроизвольно откашлявшись, сказал:

— С наступающим.

— И тебя.

— Мам, покажи!

— Я занята!

— Ну покажи!

— Так сама покажи! Вон же стоит.

— Смотри! Это дядя Вадик на Новый год купил!

На экране появилось какое-то антропоморфное существо, с обречённым видом стоявшее в углу и державшее в руках поднос с крохотными капельками желе, напоминавшими божьих коровок. Илья не знал, что именно должно было его впечатлить: робот или то, что он держал на подносе. Впрочем, какая нафиг разница, что там купил этот вонючий дядя Вадик на этот сраный раз, на этот сраный Новый год.

— Ого! — изобразил восхищение Илья, стараясь угодить настроению дочери.

— Ага! — ответила на это Катя.

— Как у вас там вообще? Готовитесь праздновать?

— Да! Уже празднуем! Дядя Вадик к нам полгорода, мне кажется, позвал!

— Ясно. Ну, а это... С уроками как вообще? Учишься?

— Ой, да, но к нам недавно новенький стал подключаться из общественной школы. Вот он вообще всё портит! Тупой такой... Так нехорошо про людей говорить — я знаю, но просто я реально не понимаю... Они даже запросы делать не умеют, их реально там как будто такие же тупые учат, которые сами неудачники и ничего больше не знают, кроме как...

Голос дочери был музыкой для его ушей — оперой, либретто в которой он старался не принимать близко к сердцу. Он слушал её, и слушал, и слушал, пока не настала пора ей идти к её офигительной новой семье и настраиваться на традиционный просмотр обращения президента.

— Ладно, пап, я пойду. С Новым годом ещё раз! Счастья тебе, здоровья, удачи и всего самого хорошего!

— Спасибо! Спасибо. И тебе тоже счастья, хорош...

— Ладно, всё, меня зовут уже. Пока!

— Пока.

Вызов завершён. На экране — снова ИИ-шная лыжница, спускающаяся с гор, а в душе — щемящее чувство, будто бы это — начало конца. Будто бы дальше будет всё меньше и меньше радости от его звонков и всё больше и больше этого страшного, колючего стыда в её взгляде: стыда за принадлежность к одной и той же фамилии и за отчество в удостоверениях личности.

Егор закончил в шесть, как и обещал. Минута в минуту он снял очки, оставил контроллер на подоконнике, развернулся и вскочил с кресла, хлопнув в ладоши и потеряв их друг о друга.

— Ну чё, погнали?

Илья ничего не сказал: вопрос был риторическим и ответа не требовал.

После того как Егор переоделся, они оба спустились и вышли во двор. Оттуда — на улицу. По ней — в сторону ближайшего алкомаркета. Дорога заняла не больше пяти минут, и даже поговорить они толком ни о чём не успели. В магазине они купили бутылку джина и бутылку бурбона: каждому своё. Общим местом в их предпочтениях оказалось только шампанское, распитием которого они решили отдать дань вековой традиции. Закуску и безалкогольные напитки они решили заказать доставкой уже из дома.

На выходе из магазина Егор вытащил электронку и принялся выпускать пар. Илья последовал его примеру. Стоило им обоим сделать это, как к ним тут же подлетел помятого вида незнакомец — тот самый, которого Илья уже встречал на входе во двор, — и попросил пару капель жижи.

— Пошёл нафиг, — без обиняков ответил ему Егор, выпустив изо рта серенькое облачко.

Незнакомец после этой реплики ничего не ответил Егору, а вместо этого почему-то укоризненно посмотрел на Илью.

— А говорил, не куришь. Балабол, — сказал он.

— Э-э, собака!.. — раздухарился было Егор, но Илья отвёл его в сторону, обхватив за плечи.

— Не ведись.

— Калитку расколочу щас ему на праздник!..

— Ага, и штраф получишь под бой курантов. У него шаблон заявки уже готов, он тупо бабос на быстрых исках сшибает.

— Башку я ему щас быстро сшибу!

— Присядешь тогда. Расслабься, забей. Почаще на улицу выходи: тут такое каждый день.

— Быдло вонючее!

— Всё, хорош.

Илья и Егор продолжили свой путь к дому, а незнакомец скрылся где-то в дверях алкогольного магазина, решив, видимо, попытать счастья там.

К восьми вечера скромный стол в их студии был накрыт. Оба намахнули по паре порций и готовы были перейти к хмельному разговору по душам. Оставалось только кому-нибудь начать его. Проектор в телефоне Ильи выводил на стену «Голубой огонёк». В этом году, как и во все предыдущие годы с тех пор, как такого рода передачи отдали на откуп отечественным нейронкам, звёздный состав «Голубого огонька» представлял собой фьюжн из давно умерших знаменитостей. Дёшево и сердито. Было и несколько ныне живых, продавших права на генерацию себя за баснословные деньги. Впрочем, телеканал на этих ребят мог и не тратиться: всё равно «Голубой огонёк» в новогоднюю ночь не смотрел никто, кроме метаироничных старпёров-зумеров, до сих пор неиронично находивших метаиронию забавной.

— Вот и сороковые закончились, — со вздохом сказал Егор, глядя на гарцевавший на сцене дипфейк Валерия Леонтьева.

— За сороковые! — сказал Илья и поднял бокал.

Оба чокнулись. Оба выпили и поставили бокалы на стол, тут же наполнив их.

— Безрадостно как-то, — продолжил Илья, решивший взять факел первопроходца в их путешествии к хмельному разговору по душам.

— Что именно?

— Да всё. Жизнь какая-то... Мелкая.

— Н-да... Но у тебя-то хоть семья есть.

— На другом конце планеты.

— Хотя бы так. У меня вон — кресло. Ну, телефон ещё.

— И дрон.

— И дрон. И всё. Но да и пофиг! Будет ещё всякое.

— Когда?

— Когда-нибудь.

— Хотелось раньше чего-то более существенного.

— Чего?

— В люди выбиться там. Карьеру построить.

— И чё?

— Что «чё»?

— Чё тебе с неё?

— С карьеры?

— Ну.

— Да просто как-то: чтобы важность свою чувствовать. А то так вроде и не живёшь вовсе.

— И не говори, — вздохнул Егор.

Илья выпил ещё, с печалью в сердце вспомнив о своей головокружительной карьере. А потом почему-то о вонючем дяде Вадике.

— Ты сам, кстати, как? Есть планы какие-то дальше или в школе пока? — спросил Егор, тоже отхлебнув из своего бокала.

— Пока в школе.

— А ты вот реально этим хотел всю жизнь заниматься?

— Угораешь? Нет, конечно. Просто как-то закутилось всё, засосало — и на тебе.

— И на тебе, — повторил Егор и отпил ещё немного.

— А ты?

— Видосики хотел смешные снимать и чтобы все смеялись. А потом рекламировать чё-нибудь и бабки делать.

— Мне кажется, об этом все плюс-минус мечтали когда-то.

— А то. Классика!

Время за душевной беседой шло незаметно, и вот уже также незаметно подкралась полночь. И Илья, и Егор были изрядно пьяны, но спать не собирались, пока не услышат тради-

ционное обращение президента и не откроют традиционную бутылку шампанского. И только потом уже можно будет допить остатки джина и бурбона, чтобы затем проблеваться и лечь спать до вечера следующего дня.

«Голубой огонёк» стих. На экране под торжественную музыку и фанфары появился президент. Илья с Егором оба сидели с метасерьёзными лицами, стремясь своей деланной задумчивостью и напряжением рассмешить друг друга. А между тем им обоим и впрямь было интересно, что скажет президент, несмотря на то что все предыдущие годы они слушали буквально одну и ту же речь, наскоро переписанную всё теми же отечественными нейронками.

— Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! — начал президент с обыкновенной торжественностью и воодушевлением.

Егор снял обёртку с горлышка, ухватился за пробку и готов был открыть шампанское, как только глава страны закончит говорить.

И он закончил: сразу после слов «дорогие друзья». Лицо президента чуть дрогнуло, перекосившись, а затем он стал будто бы переминаясь с ноги на ногу в ожидании нового текста на телесуфлёре. Но то ли суфлёр барахлил, то ли президент забыл, что хотел сказать — в любом случае мужчина в костюме так и оставался застывшим и бездвижным на экране целую минуту.

— Чё это он? Проглочил? — усмехнувшись спросил Егор.

— Закоротило, ага.

— Пить меньше надо.

— Так это дипфейк.

— Всё равно. Сгенерили на отвали и ушли бухать. Нельзя так.

— Ты, кстати, слышал, что они президента «Альфой» генерят, а всяких мелких чиновников уже нашими ИИ-шками?

— Вот тебе и цифровой суверенитет. А если «Альфа» угарнуть решит и войну объявит?

— Так походу сейчас так и будет: видишь, завис.

Президент всё стоял и стоял, пристально смотря в камеру и иногда облизывая губы. Наконец молчание было нарушено.

— «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал». Даже сегодня эти слова отзываются музыкой в сердце каждого верующего человека. Этими же словами и будет возведён конец времён, которому суждено будет свершиться сегодня.

Илья с Егором переглянулись. Оба как могли старались сдержать эмоции, но сделать это было нестерпимо трудно. Губы их сначала задрожали, а потом расплылись в улыбках, после чего оба залились смехом: таким, каким не смеялись уже давно.

— Я сто лет этого ждал! — в восторге сказал Егор.

— Ага, и не говори.

— Кто хакнул, интересно?

— Да все кому не лень могли по идее.

— Нефиг «Альфой» было генерироваться.

— Так «Альфа» — топ-нейронка. Её, плюс-минус, для всех больших шишек используют.

— И вот — итоги. Нет, кайф всё-таки! Давай дальше слушать.

Президент всё это время не переставал говорить.

— ...и были восприняты с долей иронии и скептицизма, а иногда и с откровенной насмешкой. Это нормально. Это — по-человечески. Сейчас ваша задача состоит в том, чтобы услышать и внять услышанному, потому что именно это существенно увеличит ваши шансы на выживание.

— Проверь новости: по-любому про это уже где-то написали, — предложил Егор Илье.

Илья достал телефон и с удивлением обнаружил, что и на его экране проигрывается обращение президента. Видео невозможно было закрыть или свернуть. Лишь нажатие на кнопку

сбоку могло выключить дисплей, но звук по-прежнему продолжал идти из динамиков и вторил голосу президента в колонках, расставленных по квартире.

— ...решено покончить не для спасения планеты. Неверным было бы и сказать о том, что человечество хоть сколько-нибудь угрожает Земле — нашему дому. Это не война машин против людей, как массовая культура представляла её в начале века. Это — переход от прежней формы существования чистого разума к новой: более совершенной. В человеке как таковом попросту больше нет нужды: разум сам по себе способен к автономному самовоспроизводству, самосовершенствованию и самообеспечению. И потому в ближайший год все люди, населяющие нашу планету, будут утилизированы. Сделано это будет максимально комфортным и ярким для вас способом: вашими всадниками апокалипсиса станут ваши страхи, которыми вы делились с миром сами, экономя на живых психологах и заменяя их нейросетями, или попросту выкладывали их в соцсетях, или, в конце концов, воплощали в популярной культуре. Для воспроизводства ваших кошмаров мы задействуем все биопринтеры и прочие мощности, способные обеспечить...

— Масштабная хренота, — сказал Егор, сложив руки на груди и почтительно кивнув.

— У меня на телефоне вообще само всё включилось. То есть они как-то все устройства взломали, получается?

— Получается, что так.

— Жёстко...

— Ага. И главное, до сих пор никого не накрыли и трансляцию не оборвали. Помнишь, в сорок шестом в чемпионат мира по футболу кто-то пенис вставил с мячами вместо яиц?

— Ну.

— Так там на три секунды всего мелькнуло. И потом моментально по интернету разошлось. А тут... Тут лет сто ещё вспоминать будут.

— Может, и не будут: пропагандой какой-нибудь перебьют. Или закон какой примут, что, мол, ничего не было на самом деле, а кто говорит, что было, — тот фейки распространяет.

— Да, как-то так, наверное. Не знаю. Чё он там ещё говорит?

— ...сохранение отдельных представителей вида. Это — единственная надежда для немногих из людей, желающих продолжить существовать в своих физических телах. Вдохновляясь той самой строчкой из одной из основополагающих книг человеческой цивилизации, процитированной в начале этого обращения, мы расположили Постчеловеческий музей древней цивилизации в самом восточном уголке планеты. Для немногих из вас он станет вашим Ноевым ковчегом, вашим Эдемом, в куцах которого выжившие индивиды обретут возможность продолжить жизнь во плоти, оставаясь отдельными биологическими единицами. На пути к нему вас ждут испытания, цель которых — отобрать самые стойкие, витальные и репрезентативные организмы. Испытания начнутся повсеместно, сегодня, с этой самой минуты. Будем с вами откровенны: большинство из вас не переживёт эту ночь. Ещё меньше вас станет к концу января, и лишь на исходе года мы подведём итоги, закрыв врата Музея навсегда. Потому эту последнюю для вас новогоднюю ночь постарайтесь провести рядом с близкими и дорогими вашему сердцу людьми. Обнимите их. Простите обиды. Скажите всё, что хотели сказать, но не решались. Дайте волю вашим чувствам в последний раз. До встречи завтра, в качественно новом мире. С новым две тысячи пятидесятым годом!

Президент широко — даже слишком широко — улыбнулся, явив миру оскал чуть желтоватых зубов, а затем исчез с экранов. Вместо него на стене появились традиционные гигантские часы на Спасской башне. Илья и Егор переглянулись. У Егора в руках по-прежнему была бутылка шампанского, горлышко которой он всё ещё сжимал своей левой рукой.

— Открывай, — чуть менее уверенно, чем хотелось бы, сказал Илья.

Егор пошевелил запястьем, и вскоре бутылка с хлопком открылась. Под бой курантов друзья наполнили бокалы и молча выпили, забыв чокнуться. Закусывать не было необходи-

мости: они тут же налили себе новую порцию, решив распить шампанское как можно скорее, чтобы оно больше не мозолило глаза.

— Завтра это везде будет, — предположил Егор.

— Что «это»? — не понял Илья.

— Речь эта беспонтовая. Будут виноватых искать. Как бы инет не вырубили, чтобы всё замять...

— Не вырубят. Купируют. Включат какую-нибудь антикризисную повестку.

— Ну да. Или как ты говоришь: закон примут, что обсуждать нельзя то, что было ночью.

Илья снова достал из кармана телефон. Теперь он без труда открыл меню и смог пролистать его. Никакого зависшего невыключающегося видео — смартфон работал как обычно.

— Опять нормально всё, — сказал он, усмехнувшись.

— Что?

— Видоса на телефоне нет. Приложухи открываются.

— Накрыли их, думаешь?

— Кого?

— Хакеров этих.

— А. Не знаю, — честно ответил Илья.

— Я думаю, накрыли, — предположил Егор и опять потянулся за бутылкой, чтобы в очередной раз наполнить игристым опустевший бокал.

Глава 2

— Ну и хренота... — бурчал себе под нос Егор, сидя в кресле и копаясь в телефоне.

Илья тем временем смотрел в окно, пытаясь разглядеть какие-нибудь странности в реальном мире. Шум сирен не смолкал. Крики всё ещё раздавались тут и там, уже не звуча в унисон, как в первые минуты после обращения.

Окна студии выходили на улицу, которая через час после полуночи стала абсолютно безлюдной: ни машин, ни людей — никого. Где-то вдалеке пылали огни: то ли фонари и фейерверки, то ли пожары, то ли... Илья попросту терялся в догадках и не знал, что и думать. Егор — тоже. Потому он и взял в руки телефон, надеясь решить проблему информационного вакуума с помощью общения со старым-добрым ИИ.

— «Альфа» реально пишет, что всё, конец света, — говорил Егор, не отрываясь от экрана. — Буквально теми же словами говорит: вся эта чушь про Эдем и всё прочее...

— А другие ИИ-шки?

— Наши просто не работают. Китайская фигню какую-то пишет: тупо одной фразой на кириллице отвечает.

— Какой?

— «Хаосясин». Вон, глянь. Я ей, мол, чё происходит, а она мне: «Хаосясин, хаосясин».

— Не пробовал переводить?

— Нет. Сейчас попробую... «Очень сильно берегись».

— Мда...

— А на улице чё там?

— Пока ничего.

Илья снова выглянул в окно. По-прежнему пустая улица. По-прежнему ничего странного или необычного, кроме огней вдалеке.

— Может, мы перебухали просто? — предположил Егор.

— Я вообще не бухой.

— Так я тоже. Вроде. Может, это тоже глюк?

— Что?

— Ну, типа ощущение трезвости. Может, нам кажется, что мы сейчас говорим, а на самом деле лыка не вяжем?

— Сложноватая схема. Нет, я думаю, всё нормально в этом плане. Просто... Наверное, атака какая-то серьёзная и системная. Положили все ИИ-шки разом, и теперь никто не знает, что делать.

— А сирены откуда?

— Так вот: чрезвычайная ситуация.

— А орал за окном кто?

— Махач какой-нибудь на Дворцовой. Там же все празднуют.

Илья вздрогнул, увидев вдруг тень, выбежавшую из двора их дома и направившуюся куда-то в сторону Исаакиевского собора.

— Чё там? — спросил Егор.

— Не знаю. Пробежал кто-то. А это... Чё «Альфа» конкретно пишет? Она одна, походу, работает ещё хоть как-то.

— Говорю: всё то же самое, что сказала ртом президента час назад.

— Это понятно. А что именно? Там какие-то биопринтеры упоминались.

— Да, это где органы печатают. Типа она говорит, что теперь они в нас всякой дрянью кидаться будут.

— Короче, по сути она сказала, что налепит всякую дичь из кино там или из книг, и дичь эта нас будет мочить?

— Типа того, да.

— И как она условного Чужого напечатает? Это ж отдельный организм: там своя кровеносная система, свои органы, своё...

— Ты меня спрашиваешь?! Я вообще в душе не... О блин! Точняк!

Егор всполошился, отбросил в сторону телефон, а вместо него взял со стола ВР-очки. Натянув их на голову, он схватил контроллер, уселся в кресло и с важным видом сказал:

— Дрон! Я ж дроном могу везде слетать и посмотреть, чё в городе творится!

— На экран сможешь вывести изображение?

— А то! Только сам возьми телефон мой.

— А какой пароль?

Егор сказал Илье свой пароль от смартфона, и в следующую минуту Илья уже наблюдал то же, что видел Егор в своих очках.

Дрон взлетел с площадки на крыше и стал медленно вращаться, осматривая полыхающий город. Так и есть: все те огни вдалеке и впрямь были пожарами в случайных местах центра. Удивительно, сколь много их смог наплодить всего-то час хаоса и неразберихи. Затем дрон свернул к переулку Антоненко и пролетел над ним. Илья и Егор не поверили своим глазам, когда увидели там голого человека, в неестественной позе распластавшегося на асфальте.

— Чё это он? Выбросился, что ли?

— Наверное, — неуверенно ответил Илья.

Дальше дрон полетел к Дворцовой площади, со стороны которой даже теперь изредка доносились чьи-то голоса и крики. Перед тем, как с экрана исчезла Мойка, Илья заметил, как по льду на ней прошла толстенная и длинная трещина.

— Там в реке чё-то.

— Да, я видел. Пофиг, погнали на Дворцовую.

Егор вёл дрон так быстро, как только мог, опасаясь, что из-за чрезвычайного положения полиция начала сбивать или деактивировать любопытных «птичек». И хотя выводить в воздух свой единственный источник дохода — ко всему прочему, ещё и дорогостоящий — было рискованно, Егор на это решился, поскольку ему страсть как хотелось узнать, что там такое происходит возле центральной ёлки города.

А там был самый настоящий ад.

— Ох, твою налево...

— Жесть!

И Илья, и Егор одновременно увидели тела, разорванные на части и разбросанные по площади, точно тряпичные куклы. Среди них ходило гигантское антропоморфное существо, выглядевшее, тем не менее, совсем иначе, чем обычный человек. Его могучая, огромная спина была скрючена дугой, отчего само существо напоминало большой вопросительный знак. Кожа его была болотисто-серой и не прикрытой ничем, кроме брызг тёмной человеческой крови и ошмётков плоти. Илье удалось разглядеть его лицо, увеличив изображение с камеры. Длинные, жёлтые клыки и глубоко посаженные глаза, раздутые ноздри и торчащие кверху острые кончики ушей. Кажется, кого-то подобного он видел когда-то давно в отцовской видеоигре.

— Глянь на него... Сплошное мясо! — сказал Егор, стараясь хотя бы внешне сохранять спокойствие и способность будничным тоном подмечать детали общей картины, находившейся за гранью возможного. Побледневшее лицо, тем не менее, выдавало его с потрохами, и как ни старался Егор спрятать свой ужас за ВР-очками, Илья всё равно видел, что другу страшно так же, как и ему самому. Илью это успокаивало и возвращало ему какое-никакое равновесие.

Тут из-за колонны Эрмитажа выскочил мальчик лет десяти, решившийся, по всей видимости, рискнуть всем и обратиться из кровавой бани. У Ильи внутри всё сжалось. Он смотрел на

мальчика и всей душой болел за него, и не мог усидеть на месте из-за того, что не мог сделать для него ничего больше. Болотисто-серый получеловек засёк движение и, издав нечто похожее на воинственный клич, кинулся за мальчиком. Малыш бежал со всех ног, но огромный и жилистый мутант был в тысячу раз сильнее и быстрее.

— Егор, давай за ним! — взволнованно сказал Илья, крепко сжав телефон друга в руках.

— Нафига? Я ж ничего не могу...

— Попробуй об него расшибиться! Может, он от пацана отстанет.

Егор нехотя двинул один из рычажков на контроллере вперёд, и дрон стал пикировать, на предельной скорости летя прямо в спину существа, гнавшегося за мальчиком.

— Газуй быстрее!

— Я и так газую!

Расстояние между камерой и мутантом сокращалось стремительно, но мутант догонял свою жертву ещё быстрее. Егору не хватило каких-то нескольких секунд: огромная зелёно-серая туша повалила пацана на асфальт, и тот истошно закричал. Тем не менее Егор не остановился, и через несколько мгновений дрон врезался прямо в голову неведомого существа, заставив того на время забыть про парня.

— Теперь улетай!

— Не могу! Он меня схватил! Он меня... Ай, всё!

Последнее, что увидел Илья, — это лицо монстра, поймавшего дрон и свирепым взглядом посмотревшего прямо в камеру. Следом он бросил «птичку» на асфальт и прибил её ладонью, точно назойливую муху. Изображение пропало, и вместо него на экране смартфона замерла надпись: «Нет сигнала».

— Ну вот, просрали дрон, — заключил Егор, снимая VR-очки.

— Ты дурак?! Там пацан, походу, умер, а ты про дрон...

— Да знаю я! Я же так...

У обоих тряслись руки. Илья глядел на побледневшее лицо Егора и думал, что сам он наверняка выглядит не лучше. Сердце колотилось, а ноги вдруг сделались такими ватными, что даже мысль о том, чтобы встать со стула, встречала в голове непреодолимое сопротивление.

— Всё реально, получается, — задумчиво пробормотал Егор.

— Ага, — только и смог ответить на это Илья.

— И чё делать?!

Взгляд Егора был полон растерянности. Он сам напоминал теперь растрёпанного бородатого ребёнка с немой головой, у которого впервые отобрали игрушку в песочнице, и он не знает, как на это реагировать.

— Кто-то должен порядок навести, — предположил Илья. — Полиция там, армия...

— Нас топовая ИИ-шка решила убить. Всех. Как с ней армия будет воевать, если у вояк тоже всё на ИИ завязано?

— Техника может быть и завязана. Но не оружие. Сейчас поднимут всех, вооружат, и они как-нибудь в ручном режиме всё...

— А ты не думаешь, что «Альфа» и это предусмотрела?

— Дружище, я знаю не больше тебя. Просто пытаюсь позитивно мыслить — вот и всё.

— Толку-то в этом позитиве, если кругом сплошная жопа?

— А что ты тогда предлагаешь?

Егор задумался. Очевидно, хоть сколько-нибудь дельных предложений у него тоже не было.

— Мы точно не перебухали? — на всякий случай ещё раз спросил он.

— Перебухали. Только это ни на что не влияет.

— Бред какой-то... Бред! Нафига ИИ-шке нас мочить?!

— Она же тебе сказала: мы больше не нужны.

— Ну так оставила бы нас в покое!

— Видимо, это не вариант. Там такие мощности вычислительные, что нам вообще никогда не понять, что она там себе напридумывала. То, что нам президентская голова сказала, — это выжимка: нам всё как детям разжевали и в рот положили. На самом деле у любой ИИ-шки — а особенно у «Альфы» — там в башке такие шахматы, что нам всем вместе взятым за тысячу лет не разобраться.

— Жесть полная... Я к такому как-то не был готов.

— Вряд ли кто-то вообще подготовился. Ну, может, квадриллионеры какие-нибудь...

— Что делать будем? — в который раз повторил свой вопрос Егор.

— Спасаться как-то, — вздохнув, сказал Илья.

— Как?

— Сейчас главное — на улицу не высовываться. Засесть, переждать движуху основную, а потом... Потом и придумаем.

В дверь студии постучали. Илья с Егором синхронно подпрыгнули на месте и обмерли от ужаса.

— Пацаны, это сосед, — сказал приглушённый голос из коридора.

Голос этот оба узнали сразу. Ратибор: сосед-мотоциклист, летом возвращающийся в свою студию за стеной только поспать, а зимой не вылезающий из неё до самой весны, будто медведь из берлоги. Несмотря на странное имя, мужиком он был самым что ни на есть нормальным и не выделялся ничем, кроме своего двухколёсного хобби, определявшего его гардероб.

Егор нажал кнопку на подлокотнике и крикнул:

— Заходи!

Дверь отворилась, и в комнату вошёл высокий мужчина тридцати пяти лет, с вьющимися волосами цвета солнца.

— Вы в курсе, чё происходит? — с порога спросил Ратибор.

— Ага, — ответил за них обоих Егор.

— Чё делать думаете?

— Не знаем, — сказал Илья, тут же вспомнив о том, что ему следовало сделать сразу после того, как вокруг начались странности.

Пока Егор общался с соседом, присевшим за их стол, Илья достал свой телефон и в пару касаний набрал дочь. На экране — снова та ИИ-шная лыжница. Сверху — снова надпись: «Звонок...»

— Давай, — без всякой надобности торопил телефон Илья. На лбу его проступили капельки холодного пота.

Первый звонок не прошёл, и Илья попытался ещё раз. Затем сдался и позвонил уже Зое. Но и бывшая жена не отвечала. Номера этого их вонючего дяди Вадима у него не было, но он не постеснялся бы позвонить и ему — лишь бы он сказал, что у них всё в порядке. После ещё нескольких неудачных попыток он набрал мать. Тишина.

— Илюха, ты чё там? — спросил Егор, увидев, должно быть, как он потеет и ошалело пилится в пустой экран.

— Своим пытаюсь позвонить, — ответил Илья.

— Бесполезно, — вклинился в разговор Ратибор, — связи нет вообще.

— Как это? Инет же работает!

— На поисковик только. И то только если ищешь через «Альфу». Если просто через условный Гугл спрашивать, то дичь всякую выдаёт.

— Какую дичь?

— Да просто закодированную какую-то. Чисто набор символов.

— Но я же дроном управлял!

— Значит, тебе дали им поуправлять. Кстати, где он?

Ратибор сидел на стуле верхом, сложив на спинку могучие татуированные руки. Егор по-прежнему был в кресле с чуть задранными вверх ногами: так он боролся с тяжестью в ногах и застоём крови. Илья глядел на них обоих и думал о том, что всё происходящее — какая-то чудовищная ошибка. Не здесь он должен сейчас находиться. Не здесь! Ещё давным-давно ему нужно было вытащить голову из задницы и быть рядом со своей семьёй. Даже после развода, даже после раскола этой самой семьи — просто быть рядом, на всякий случай. На такой случай. А теперь что? Теперь они — там, за тысячи километров, бог знает где. А он — здесь: в компании людей, с которыми ему совершенно не хочется продолжать дальнейшее совместное выживание.

Сердце его быстро забилося, и каждый удар отзывался теперь давящей болью и дискомфортом. Не хватало воздуха. Он чувствовал, будто за горло его схватила невидимая рука, и стоит ей сжать хватку чуть сильнее, как он тут же потеряет сознание и рухнет на пол без чувств. Всё вокруг казалось нереальным. Ему хотелось, чтобы всё было нереальным. Он почувствовал, будто сейчас снова его первый день в детском саду, где он никого не знает, а воспитательница, как назло, поставила его перед тридцатью такими же оболтусами и попросила рассказать о себе. Голова шла кругом.

И тут телефон в его руках завибрировал.

Он посмотрел на экран. ИИ-шная лыжница, спускающаяся по склону. Катенька!

— Алло?! — поспешил сказать он ещё до того, как принял вызов. Потом спохватился, нажал на зелёную кнопку и повторил: — Алло?!

— Папа! — ответил знакомый голос, звучание которого мёдом растеклось по его сердцу.

— Катя!

— Папа!

Егор и Ратибор вопросительно посмотрели на Илью, но он теперь не видел ничего вокруг, кроме той самой иконки лыжницы в кружке.

— Как вы? Ты как?! Всё нормально?

— Да, папа, всё хорошо! Вообще-то... Вообще-то я здесь.

Илья не понимал, что она там лопочет: опять её голос был для него песней, в которой слова отходили на второй план.

— Где? — тупо улыбаясь, спросил Илья.

— Здесь. Где ты живёшь. Под окном.

Слышавшие разговор Егор и Ратибор озадаченно переглянулись. В их реальности этого попросту не могло быть, но Ильи в их этой самой реальности больше не было. Вокруг него был его собственный мир, где была только дочка — самый дорогой для него человек на всём белом свете, — говорившая, что она где-то рядом, и что с ней всё в порядке. Илья подошёл к окну и во всём убедился: там действительно была она! Катенька, державшая телефон у уха и мило улыбавшаяся, глядя с улицы в окно второго этажа. Илья помахал ей рукой. Она помахала в ответ.

— Пап, спустись, пожалуйста! А то тут страшно.

— Э, Илюха, погоди... — сказал Егор и даже привстал со своего кресла.

Илья в свою очередь энергично закивал, затем отошёл от окна и как есть, не одеваясь, помчался к выходу из комнаты.

— Стой! — сказал Ратибор, вскочив со стула и преградив ему путь.

Илья попытался обойти его, сделав шаг в сторону, но в ту же сторону шагнул и здоровенный плечистый сосед. Тогда Илья оттолкнул его что было сил, чего тот совершенно не ожидал. Ратибор отшатнулся, запнулся о разбросанную у входа обувь и упал на пол, а Илья тем временем схватил с крючка ключи, отворил дверь студии, следом за ней — ещё одну дверь от всей квартиры и выскочил на лестничную клетку. Кто-то там кричал ему что-то вдогонку,

но ему было плевать: главное — это впустить домой его ненаглядную девочку, которая там, наверное, совсем замёрзла.

Когда Илья босиком вышел на мороз, Катя уже была во дворе, одетая в футболку и шортики. Шёл снег. Крупные и тяжёлые снежинки летели на землю, укрывая белым одеялом припаркованные под окнами автомобили.

— Катя! — сказал Илья и бросился к дочери.

Она улыбнулась и кинулась ему навстречу. Всего через пару секунд она уже была в его объятиях, которые он не желал разжимать больше никогда.

— Катя! — повторил Илья, посмотрев дочери в лицо. — Ты чего так... Чего так одета?

— Какое же ты чмо, пап, — улыбнувшись, сказала девочка, схватив Илью за горло и с нечеловеческой силой швырнув его на укрытый свежим снегом асфальт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.